

Я. КАРЛЕН

ГРУСТЬ И ЗВЕЗДЫ

Сборник стихотворений

ПАРИЖ
1953

Я. КАРЛЕН

ГРУСТЬ И ЗВЕЗДЫ

Сборник стихотворений

*„Я променяю счастье всего
Запада на русский песенный лад
печали.“*

Ницше

ПАРИЖ
1953

ДОРОГА ЗИМОЙ.

Как быстро и легко скользят дорогой **саня**.
И чередит мой кнут снег рыхлый **стороной**.
Далекий горизонт пропал в ночном **тумане**,
Вокруг меня поднявшемся **стеной**.

Снежинки-звездочки гнездятся на **тулупе**
Одна другой причудливей, новей
И белая луна, как клецка в **жирном суне**,
Качается над лошадью моей.

Наверно к оттепели небо побурело
И спрятало свой огненный закат.
Деревню сумраком, как пеленою **одело**
И робко дразнятся мне **огоньки из хат**.

А мысли медленно, меняясь неохотно,
Как убаюканные качкою саней,
Едва живут и мирно, беззаботно
Я чувствую себя среди родных полей.

С Л О В О.

Бежит вода и серебрятся струи.
И месяц шает на полотно реки
Свои блестящие, живые поделуи
И волны светятся, как в полночь светляки.

И даль темна и ворожат ракиты
У берега реки и сонное село
Спит, как животное травы наевшись сытной,
И в лунном воздухе маячет помело.

Ах, милые мои воспоминанья!
Колодца длинный щест, упершийся в луну,
И этот заговор, ночное лепетанье,
Листвы живой, запрятавшейся в тьму.

Все это живо так, как бы вчера
С давно минувшим повстречалось снова,
Лишь потому, что мысль моя нашла
Живое, искреннее Слово.

У Т Р О.

Навстречу утру молодому
Я быстро отворил окно.
И сердце бьется по иному —
Ночное прочно отмечено.

День новый голубой, бестучий
Идет ликуя... Ночь, прости!
Как своды чисты и певучи,
Как снова хочется расти.

Душа по новому крылата.
Простор зовет любить и петь.
Как жизнь щедротами богата!
Учись любить, умей хотеть...

То, что Предвечного рукою
Нам в сердце вписано давно —
Восторга силой молодого
Переживается оно.

И сотворенный и Творящий
Друг друга видят в Красоте.
Свет солнца юный восходящий
Зовет к любви и полноте.

Навстречу утру молодому
Я быстро отворил окно.
И сердце бьется по иному —
Ночное прочно отмечено.

ЗИМА И ХРИСТОС.

Мирно шумит и скрипит под санями,
Будто-бы сани беседуют с нами,
Дружно воркуют приятную речь.
Как хорошо в это время прилечь
Мягким тулупом на крепкий задок!
Чувствуешь в теле живой холодок,
Видишь дороги изгибы, извины,
В саване белом поляны и нивы...
Вон, к горизонту у самых небес
Черной полоскою врезался лес.
Все как то ново и сказочно даже —
Вон, под луной заискрился овражек
И огонек замигал на селе...
Господи, как хорошо на земле!

Доброе чувство в груди родилось.
Счастье когда то давно началось —
Где то в столетиях, в мраке времен
Радостью света был Дух осенен.
Да, хорошо на земле и красиво:
Небо в глаза мои смотрит, как диво —
Диво, которому имени нет,
Диво, которое любит поэт!
Тихо молюсь я и небу и звездам...
Как и они Кем-то Сильным я создан.
И проходящим, в кругу неразрывном,
Сам себя вижу творением дивным,
Вижу как сущность творений чиста
И принимаю Любовь и Христа!

ЛУННЫЙ СВЕТ.

Жить люблю под лучем —
Я люблю лунный свет:
С ним и мрак ни почем.
Есть волшебного в нем
Возвышающий бред.

От земли и хлопот
Он уносит меня.
Мир — чарующий грот
В лунном свете и вот —
Ночь прекраснее дня!

Потому так пленит
Блеск луны без конца.
В нем и камень горит
Так, что мертвый гранит
Зажигает сердца.

Бестелесная стать
Нам ясней при луне.
И любить и блестать,
Чистым, облачным стать
С нею хочется мне.

ЗОЛОТЫЕ НЕБЕСА.

Ночь темна. На горизонте
Млеет света полоса.
Духи черные, не троньте
Золотые небеса.

Не для вас распятья кровью
Светит огненный закат.
Не для вас мечтой-любовью
Звезды ночи говорят.

Не для вас бесшумным шагом
По дорогам и тропам,
По долинам и оврагам
С звездным небом едит Сам.

Ночь темна. На горизонте
Млеет света полоса.
Духи черные, не троньте
Золотые небеса.

ХОРОШО НА ДУШЕ.

В тишине голубой
Даль колеблет свой шелк.
Стих ночной ветерок,
Говор речи умолк.

Высоко, высоко
Звезды мирно горят.
Волны тайну свою
Берегам говорят.

Хорошо на душе,
Как причастие пьешь.
Рядом с вечно святым
По тропинке идешь.

Все согрето теплом
И любовью души,
Оттого и поля
И леса хороши...

Потому и простор
Так певуч и широк,
А мечтатель-певец
Не всегда одинок.

В тишине голубой
Даль колеблет свой шелк.
Стих ночной ветерок,
Говор речи умолк.

ВЕЧНОЕ «Я».

Тихо иду по тропинке ночной,
Слушаю шорохи странные ночи.
Звезды высоко плывут надо мной...
Кто вас о, звезды, любить не захочет?!
Счастье стыдливое рядом идет —
Нужно б запеть, но тоска не дает.

Там, где блуждает таинственный свет,
Правду знакомую сердце читает:
Творчеству мира, мечтою согрет,
Дух мой невольно себя приобщает
И человеческий слабый мирок
Вдруг так прекрасен, велик и широк!

Что-то большое в груди родилось,
Чувство глубокое душу согрело.
Прошлое где-то в дали осталось —
Вот оно светлое, новое дело
В сердце лежит, как божественный клад!
Жизнь никогда не ступала назад!

Кажется думают вместе со мной
Звездное небо и лес и дорога
Мыслью глубокою, мыслью одной
Так же как я и любовно и строго:
Пусть проходяща и бренна земля
В мире духовном есть вечное «Я».

ДВА ЗВОНА.

Я не люблю немецкий звон
Мятущийся, больной, надрывный.
Как душу беспокоит он!
Нет, это не российский звон
Широкий, благостный, разливный...

Как узник в каменных стенах
Страдает он, звенит и мучит,
Тревогу вызывает, страх...
Он не поет о небесах
Не отгоняет злые тучи.

О, русский колокольный звон
Свободных, трепетных созвучий!
Кто был тобой не потрясен
И нравственно ёе восхищен
Твою мудростью певучей?!

Тебе ли суждено отпеть
Свои божественные песни?
Народ обязан претерпеть!
И ты, ты снова станешь петь
Еще звучней и полновесней.

Ночь.

Луна точно люлька качается
И гнется под нею прут.
И сказочный свет рассыпается
В старый заснувший пруд.

В черном саду, в старом липнике,
Филин кричит во весь рот.
То как разбойник вдруг выкрикнет,
То заорет он, как черт.

Но фиалки кадят ароматами...
А заря, точно красная нить,
Порвалась между черными хатами.
Я молчу... не хочу говорить...

О предельном как будто все сказано
И развязка ясна и проста:
Правда страшная сердцу подсказана
Тенью черной, упавшей с моста.

ПЕРВАЯ ВЕСНА.

Липы безлиственные, голы и черны,
Но травка зеленая всюду видна.
Ветви набухшие ветру покорны,
Даль за ветвями скучна и бледна.

С горочками видно, река разлилася.
Мутно блестит и буреет вода.
Сколько воды то! откуда взялася?
Скоро, пожалуй, дойдет и сюда.

В теплой шубейке, сердечко с комочек,
Стою я с отцом и упорно слежу,
Как пробегает вода между кочек
И на утопшие ветлы гляжу.

Жалкие ветлы и бурные воды...
Грусть или страх? Сопричастия миг!
Ах, не забыть эти детские годы
И ранней весны впечатлений моих!

РУССКАЯ НОЧЬ.

Вьются жуткие узоры
В черном мраке.
Едет месяц, сев на тучку,
Как на раке.

Тишина сосет цветочка
Сок медвяный.
Дуб склонился над рекою
Точно пьяный.

Стрелы месяца пронзают
Стекла хаток.
Поцелуй в такую полночь,
Ах, как сладок!

Явь оделася в причуды
С ворожбою.
Ах, какой соблазн разгулу
И разбою...

ВОЙНА.

Мирно и тихо заря угасает,
Чувствует сердце живую тоску...
Мой ли товарищ в бою погибает?
Уже не его ли свеча догорает,
И свет ее слабый скользит по песку?

Снова забытое в память стучится,
Образы дивные в мыслях плывут.
Что-то должно в этом мире случиться:
Светлый придет и в сердца постучится —
В каждое сердце, как огненный Суд.

Шопоты дивные в огненном море
Я подмечаю и тих и суров.
О, как страдает душа о просторе,
Как глубоко она верит, что вскоре
В мире борьбы воцарится Любовь.

Ласковой болью согрет и отмечен,
Долго гляжу я на страшный закат.
Вижу, как я в бесконечном конечен,
Слышу, что вечностью дух обеспечен —
О, как хорош Божий мир и богат!

ЗАВЕЩАНИЕ.

Я завещаю вам любовь
К живым явлениям природы,
К закату жуткому, как кровь,
За сетью сумрачных дерев,
В часы осенней непогоды.

Я говорю, любите свет —
Его закон яснее в мраке,
Когда ночной, безокий бред
Кладет на все живое след
И вызывает вой собаки.

Любите огненную нить
Зари над черными лесами.
Поймите, как душа болит,
Как хочет верить и любить
И жить... жить только небесами...

Молитесь свету и огню.
Теплом души согрейте ночи!
Возьмите истину мою:
Для вас люблю и создаю —
Я неть для вас уполномочен.

Предчувствий благостный закон
Живет во мне, как страсть мучений.
Я светом одухотворен.
Любите все, что создал Он
И веруйте, как верит гений.

ЧЕЛОВЕК.

Когда ручей при свете лунном млеет,
Из нитей золотых ткет дивную канву,
Кому не грезелись чешуйчатые эмеи —
Сказаний древних вымыслы, затеи —
Кто этих вымыслов не видел на яву?!

Когда полночный мрак глядит пещерно
Из-под кустов и тайнами манит,
Кто не хотел бы путь наметить верный,
Стать силой мудрой и примерной
И радость знания вкусить?

Или когда заря потоком крови
Прольется над землей и вас заворожит,
Как не понять необходимость в слове,
Родящем радость и здоровье
И долг прекрасному служить!

И вот тогда, не кажется ли вам,
Что человек живет святым Началом,
Что сам он для себя и жрец и храм,
Что долг его, доверясь небесам,
Жить отрешившимся от мира идеалом.

Когда земля утонет в бездне ночи
А звезды, как цветы, летят к полям,
Кто к Истине тогда припасть не хочет,
Чей дух не делается кротче,
Доступней Богу и детям?!

Г О Р Ы.

Над горным хребтом залегли
Черные тучи узорно.
Из темных ущелий огни
Глядят, как пшеничные зерна.

И робко мерцает звезда
Над месяцем утлым и тощим.
А вечного снега гряда
Белеет, как древние моши.

И как холодна и страшна
Земля в потемневших морщинах!
Хоть млеет еще вышина
Оранжевым цветом вощины.

И смерть леденая молчит
Минувших столетий угрозой.
Там вечность голодная спит
И ею изжитые грозы.

ОТЧАЯНИЕ.

Порой глядишь, как в бездну,
В глазах и тьма и страх.
И звезды бесполезно
Горят на небесах.

И нет ни в чем опоры
И радости ни в чем.
И душу давят горы
И грустно над ручьем.

И нет нигде прощенья...
Кто может мне помочь?
И черное сомненье,
Как пасмурная ночь.

И смотришь тупо в яму
И видишь в ней пятно...
Как страшно, пусто, пьяно,
Когда все отнято.

ЗВЕЗДАМ.

Звезды, я много вам песен пропел,
Шагая дорогой и лугом.
Люблю я с вами беседу вести,
Делиться ночным досугом.

Есть странная, звездочки, в вас тоска —
Назвать ее как не знаю —
Сердцу она бесконечно близка,
А мыслью никак не поймаю.

И маните вы и зовете меня
К каким то далеким отгадкам.
И с вами душа моя видит себя
В безбрежном движении сладком.

И верится, верится... Чудится мне
Возможность таинственной встречи
Души моей с Тем, кто на нашей земле
Любовью спасает и лечит.

БУДУЩЕЕ.

Да, это будет совершенным'
Земля себя преобразит.
Очищенным и обновленным
Дух о себе заговорит.

Ему открыты будут дали,
Которые едва, чуть-чуть!
Движеньем творческой печали
Нам обрисовывают Суть.

О, это будет мир нездешний,
Мир, где забудутся мечи,
Где радости взаимной, вешней
Забыют целебные ключи.

Наш человек, больная жадность,
Как ветошь отживет свой век.
Там будет радость, непродажность
И счастье чистое, как снег.

ЧЕЛОВЕК.

Ничего-то нам знать не дано,
Но мы чувствовать можем глубоко.
Мы глядим в бесконечность, как в дно,
Вдоль русла в глубину, до истока.

Мы на дне этом видим себя,
Отразившись, как в зеркале вечном.—
Так рождается духовное «я»
В нашем мире слепом и конечном.

И значение наше растет:
Телу, мыслям и чувствам просторней.
И сознание наше цветет,
Ощущая лучистые корни.

Так живет на земле человек,
Крепко связанный с вечным пределом,
В мире темном заманчивых нег
С тайной мыслею сделаться белым.

ПЕРЕЖИВАНИЕ.

Подковы отпечаток в глине.
Помет. Пробоины колес.
Кусты. Канава. Как в пустыне,
Ни в чем ни радости, ни слез.

Как будто кто за горло душит.
Кричи, не откликнется даль!
Мутнеет небо. Вечер тушит
Зари кровавую печаль.

За сердце страх берет когтями,
Торопит мирного коня...
И вдруг ночь полными горстями
Кидает звездами в меня.

От страха и ночной тревоги
Свободен я — с Творцем дружу.
Со мною Бог, я снова в Боге,
Его храню, Ему служу!

ШВЕЙЦАРИЯ.

Сменил я русские просторы
На узенький швейцарский дол.
Но чем отвесней, круче горы,
Тем выше плавает орел!

Тем к небу зов еще упорней
И крыльям хочется расти,
Тем своевольней, непокорней
К борьбе намечены пути.

Темнеют ели в темных скалах.
Снега белеют в небесах.
И горы в каменных забралах
Стоят, как стражи на часах.

Отцов, ушедших в неизвестность,
Я чувствую и труд и кровь,
Когда проснется вся окрестность
Под стадный звон колоколов.

ЗИМА.

Под ногами скрип морозный.
Воздух спит. Луна в райке.
Я иду под крышей звездной,
Как скиталец налегке.

Радость зимних ощущений —
Сила ног, тепло руки...
Нету скуки, нет и лени,
Страсть и горе далеки.

Как в волшебном море сказки,
Греза грезу торопит.
В неге мутной, лунно-сладкой
Мир молчит, как сонный скит.

Дымка сизого тумана
Заслонила пеленой
Боевую ставку хана
С многочисленной ордой.

Страх возможного набега
Жил и как бы все живет:
По пластам блестящим снега
Рать татарская идет.

Тихо в чутком сне шагают
И проходят времена.
А деревню охраняют
Топкий снег и белизна.

У МЕЛЬНИЦЫ.

Живое серебро плескается о камни.
У мельницы вода шумит о колесо.
И брызжет жемчугом холодным, как руками,
Мое блестящее весло.

Березы свесили искрящиеся гривы,
У берега лежит укрывшаяся тьма.
И слышу я, как сладко дышут ивы,
Как опьяняет воздух белена.

Старик седой, наш мельник, на плотине
Кричит мне весело и старость позабыл...
На лысине его, как на созревшей дыне,
Расплавленный свет месяца застыл.

В грязи, где чернота у берега острее,
Две склянки брошенных сверкают, как алмаз.
А с неба звездами и звездной тайной веет
Не в первый, видимо, и не в последний раз!

ЮНОСТЬ И СТАРОСТЬ.

Я сейчас не печален,
А ясен и прост
И во мне все так
Мило, округло!

Почему же не петь,
Почему не любить
И под старость
Красавицы смуглой?!

Есть какой то засос
Взять все, все до конца —
Выпить горечь
И жгучую сладость.

Ах, немало меня
Изводила юнца,
Помню, это вот самая
Жадность.

И сейчас, в старице,
Еще жив этот грех...
Есть в нем сходство
С бесдельной отвагой:

То любить хочу всех
И пожертвовать всем,
То уйти хочу прочь,
Стать бродягой...

ПРИ ЛУНЕ.

Месяц лунною веревкой
Машет с горной каланчи.
Яркой сказочной обновкой
Землю радуют лучи.

Тишине конца не будет.
Как волшебно при луне!
В мире сонном месяц удит
Рыбку скользкую во мне.

Океан небес бескраен
И прекрасен и глубок.
У серебреных окраин
В тучах пляшет поплавок.

Я, попав на удилище —
На магический крючок, —
Ем серебренную пищу,
Как в гипнозе светлячок.

T B M A.

Яма бездны — страха тень
Ужас смерти меж кустами:
Умер, умер светлый день,
Свет зари простился с нами.

Тайна мира глубока.
Неизвестна к ней дорожка,
Ночи черная рука
Ищет светлое окошко.

На один лишь только миг
Потеряй просвет заката
И иссякнет тот родник,
Что питал твой дух богато.

И тогда, склонив чело,
Ты поймешь, пускай смущенно,
Почему людское зло
В свет не перевоплощено.

Почему душа скорбит
И не может стать собою.
Почему глухой стеною
Мир загадочно молчит.

Яма бездны — страха тень,
Ужас смерти меж кустами:
Умер, умер светлый день,
Свет зари простился с нами.

ЧЕЛОВЕК.

Я рожден себялюбивым.
Мне дерзания даны
Между ангельским порывом
И отвагой сатаны.

Я могу быть в этом мире
Злым насилия бичем,
Или, жизнь продумав шире,
Стать божественным лучем.

То без крыл, то крылья чуя,
Рвусь к надзвездным высотам.
То в пустых потьмах кочую
По истоптанным цветам.

Я источник вечной боли
С нежной радостью вкусили.
Жил, как первенец, на воле
И, как первенец, грешил.

ТАЙНА.

Сам для себя глубокой тайной
Я был и буду до конца —
То слабой звездочкой случайной,
То светлым образом Творца!

Ведь путь проийденный человеком
Всегда суров, всегда глубок:
Он борется с своим же веком,
Меж близких крайне одинок.

Людскую горечь и обиды,
Все то, что дышет тьмой и злом,
К ногам богини Немизиды
Кладу я жертвенным огнем.

И вновь, и вновь насилья жаждой
Пылают дерзкие сердца,
И, кажется, придет однажды
Решительная месть Творца!

Сам для себя глубокой тайной
Я был и буду до конца —
То слабой звездочкой случайной.
То светлым образом Творца!

B E C E P.

Уснул сердитый ветер.
Какой прекрасный вечер!
Какая тишина!

Как мирно никнут ивы.
Какие переливы
Родят в реке волна!

Вон, над соседним полем
Туман разлился морем
И подмывает лес.

Уж соловей щебечет,
Больное сердце лечит,
А филин ржет, как бес.

Деревня чуть виднеет.
Звездами небо сеет,
Как золотой крупой.

Крыло зари далеко
И тухнет одиноко
Свет розово-скупой.

А месяц ущербленный,
Над тучкой окаймленной.
Как Магомета бровь.

Льет над землею спящей
И над лесною чащей
Серебряную кровь.

В ПОЕЗДЕ.

**Люблю движение.
Как вдохновение,
Оно восторг родит во мне.**

**Несусь и чудится,
Что счастье сбудется
Далеко где-то в иной стране.**

**И песнь рождается
И разростается:
Колеса весело поют, поют,**

**Что мир наш горница,
Что радость строится —
Для всех счастливый родной уют.**

**И я, как зернышко,
Как капля солнышка
Тепло и правду в себе храню.**

**И все, что вижу я,
И все, что ждет меня,
Непобежденной тоской люблю.**

M E Ч T E.

Ты не умрешь моя мечта о свете:
Ты очень глубоко запала в грудь мою.
Твоя печаль в моем разуме светит
И я тебя в прошедшем узнаю.

Бессмертья твоего не порывает время:
Ты дух небес в бесправии земном.
Я отживу, придет другое племя —
Моя мечта, ты будешь жить и в нем!

Из века в век приходишь ты с протестом,
Мир потресаешь новою грозой.
Идешь путем то боевым, то крестным,
То мирно ласковой, то бесконечно злой.

Дав человеку жажду новой воли,
За ним ты двигаешь и массы и сердца.
О, сколько радости и трепета и боли
В словах пришедшего из вечности борца!

И сколько их, распятых и убитых,
Растерзанных, оплеванных толпой,
Помянуто теперь и в песнях и молитвах
За то, что жили творческой мечтой...

ПРОРОЧЕСТВО.

Свирель эвчит и эхо вторит звонко...
И лай волчат и завыванье пса
И плач забытого голодного ребенка
На ниве скошенного буйного ювса —

Все это русской жизни крики!
А, вот, и он, безмолвный полубог:
Луна огромная над елью, как на пике,
Готова затрубить в кровавый рог...

Есть в этом страх! Страх трепетный, глубокий...
Пророчествует он земле и людям гнев.
Ах, как бы я хотел в живые строки
Поймать его, чтобы создать напев:

Напев жестокий, страшный, бессердечный,
Предупреждающий к раскаянью грести.
О, Бог суровый, в гневе своем вечный,
Твой падший мир, молю Тебя, прости.

O C E H B.

От осенней стужи
Мои плачут окна.
Тучи над полями —
Серые волокна.
Ветер хнычет нудно,
Как старик беззубый,
И дымятся густо
Над деревней трубы.
Слякоть по дорогам,
По оврагам топи.
Небо серо, низко,
Точно своды в склепе.
В серде горечь, убыль —
Жизнь, как похороны...
Точно над кладбищем
Каркают вороны.
Но бывает в небе
Вдруг взыграет просинь!
Это значит людям
Улыбнулась осень.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ.

Свод небесный смотрит в даль
Окнами промытыми.
Тучки плавают под ним
Белыми корытами.

Лес словый у плетня
Выстроился ротою,
Чистый, вымытый дождем,
Блещет позолотою.

У опушки, где кусты,
И меж пнями просски,
Длинноногие цветы
Выставили носики.

Снова ожила трава.
Муравьи с букашками
Блещут в солнечном тепле
Пестрыми рубашками.

На деревне детвора,
За раскрытой хатою,
Прудит грязный ручеек
Сломанной лопатою.

Теплой влаги аромат
Ветерком разносится.
Как приятно в этот час
Грудью в плесо броситься.

В ГОРАХ.

Мертвых, безжизненных скал
Горная тяжесть вокруг.
Как бы постигнуть желал
Горную тайну мой дух.

Тяжести серой, немой
Я не осилю поднять.
Каменной думы тупой
Жизнь не сумеет понять.

Слишком она глубока,
Много в ней скрыто времен:
Точно минуты века
Шли за веками, как сон.

Только лишь шумы ручья
Будят безмолвие скал.
Только лишь маленький я
Вдруг, не стерпев, закричал!

В этом ответе живом
Бросил я камню в упор:
— «Знай, мы творим и живем
Тобою забытым Огнем!...

O Б О З.

В серебре луны качаются
Ветки черные берез.
А на западе весь в золоте
Едет розовый обоз.

По траве и в листьях шорохи,
А на небе тишина.
За обозом с неба синего
Смотрит зоркая луна.

Сонно кони белогривые
Под попонами бредут.
Сладко ль спящую красавицу,
Князя ль юного везут?

На возах мешки ли с золотом,
Или книги мудрецов,
Или ты, людьми пролитая
За мечту святую, кровь?!

В серебре луны качаются
Ветки сонные берез.
А на западе весь в золоте
Едет медленно обоз.

O C E N Y.

Огня оранжевое взморье
И тучь холодных острова,
Люблю когда играет ветер
И никнет рощи голова.

Уж холод утренний росяный
Мне проникает в грудь, как мед.
И кости чувствуются крепче
И сердце равномерней быст.

О, жизнь! Как у дороги звонко
Поют стальные провода!
И тешит взрослого ребенка
Огнем вожженная вода.

Как жадно утrenнюю радость
Дня зародившегося пью.
И вдруг потерянную юность
В осеннем счастье узнаю.

КОРАБЛИ.

Если разбита судьба,
Если ты сжег корабли —
Ах, не цени никогда
Жизнь на пустые рубли.

Знай, только ты есть цена —
Ты и гора и родник.
Жизнь никогда не темна,
Если ты сам не поник.

Верь в красоту и огонь.
Небо и звезды люби.
Тайн сокровенных не тронь
И приплывут корабли.

На парусах при заре
Ты прочтешь тогда
Правду о новой поре.
Ах, не слабей никогда!

БОГ.

В золотой короне неба
На невидимом коне
Едет Бог непостижимый
По измученной земле.

Травы никнут под росою,
Меркнет западный огонь.
И ступает тихо мирно
Божества незримый конь.

Слуху нежный шорох ясен,
Виден Образ без границ...
И под легкое копыто
Человек ложится ниц.

Тихо сладкое забвенье
Нежит огненную кровь.
И целует человека
В сердце черное Любовь.

Взвился месяц серповидно,
Лет в избытке серебро.
Лес за дымкою тумана
Выгнул черное ребро.

В золотой короне неба
На невидимом коне
Едет Бог непостижимый
По измученной земле.

ПОЭЗИЯ.

Вот снова слышу я
тоски призывный голос
он нежно слаб
и сладко тих.

Как будто от души
частичка откололась
и от нея готов
родиться стих.

В поэзии
небесная услада
и боль земли
в одной тоске слились.

Но этой сладкой,
чистой каплей яда
упиться, смертный,
торопись.

САМОРОДОК.

Свет лунный, голубой в тумане,
Прилег к усатой спелой ржи.
Рожь шепчется, как войско в стане,
У заповеданной межи.

За лесом красные полосы
Почти утихшего огня.
И никнет шум многоголосый,
К заре чаровнице звения.

Сижу, упервшись подбородком
В колено, и гляжу вперед.
И чувствую, что самородком
Пришел я, нужный, в свой черед.

И в шопот боязный колосьев
Вливаю я свою мечту.
И жизнь, пройдя мне сердце осью,
Флаг света ставит на борту.

ЖИЗНЬ.

Я с детства был
пленен закатной кровью:
загадку божества,
страдая, нес,
мог чувствовать себя
и светом и любовью,
и, как мечтатель,
в беспредельность рос.

Я веры мудрой
чувствовал побеги,
болел душой
за высший идеал,
на новый дом,
как плотник, ставил слеги,
а старые с гвоздями выдирал.

За шагом шаг
я шел вперед упорно.
И немощью страдал
и силу ощущал.
То жил любовью
искренно, покорно,
то до конца
и с болью отрицал.

Но жизнь, как жизнь,
несла своей дорогой
мои мечты,
азарты и любовь
и выковала дух
сознательный и трогий,
принявший мир,
где неизбежна кровь.

УСАДЬБА НОЧЬЮ.

Тихо в усадьбе. Как черная пена,
Дыбаются лиши, а с ними березы.
Небо над ними, как синяя вена,
Звезды, как дикие, бойкие козы.

Острая крыша господского дома
В небо уходит чернее гранита.
Изгородь парка склонилась хромо,
Хмелем и дикой травой перевита.

Где-то внизу, у реки, там где плесо
Сонно, как зеркало мутное, блещет,
Бьют по воде, точно крыльями, весла,
Крепко зажатые в пальцы, как в клещи.

В роще, где черные сгустки кошмара
Шепчут с луной и с листвой и со мхами,
Как-то особенно дико и старо
И соблазняет ночными грехами.

В полночь, когда голубые туманы
Дыбят перины в оврагах, как в койках,
Жутко-тайновенно, сказочно-странно
Быть одному окруженным в постройках.

B E Ч E P.

По безбрежью огненного неба
Облачко усталое плывет.
Низко в реку опустила верба.
Ветви-косы, воду достает.

Черный берег выгнулся дугою
И щетиной золотой оброс.
И безшумно алою листвою
Блещет тополь меж кривых берез.

У кустов, упавших в воду, всплески:
Рыбка нежится у берегов.
И чернеют старые подмостки —
Место сплетен под размах вальков.

Через луг соломенные крыши
Солнышко закатное зажгло.
Вечереет. Сердце бьется тише.
Ночь слетает в русское село.

СОЛНЦУ ВОСХОДЯЩЕМУ.

Тебе,
образу вечного света,
Разливающему вокруг
 тепло,
Моя песня
 новая
 спета...
И на сердце светло.
Красный лик твой
 из черной тучи
Выкатился,
 как желток,
И родился голос
 певучий
И сердце
 вросло
 в восток.
Бешенство счастья бурно
Проснулось в сердце моем:
Я счастлив,
 что небо лазурно,
Я рад, что мы люди
 живем:
Я кричу
 через поле
 свету,
Катящему на меня
 свой круг:
«Ничего невозможного нету,
Мой светлый,
 солнцеликий друг!»

ФОНАРЬ.

Подгнивший столб еловый,
Граненый топором,
Стоял большеголовым
Увенчан фонарем.

Ходили мимо люди,
Месили тупо грязь —
Купцы, крестьяне, судьи
И городская мразь.

Ходил и я ребенком
Под этим фонарем.
Таинственной колонкой
Во тьме казался он.

И были непосильны
И непонятны мне
И небо в тьме чернильной
И голова в огне.

И бабушкины сказки
И детский страха страх —
С его стеклянной каской —
Все путалось в потьмах.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Припадают деревья ничком
К черепице омытой и лунной.
Ветер водит упорно смычком,
Натянув телеграфные струны.

От луны белый свет в облаках.
В поле черные пятна и тени.
И скользит у меня на руках
Голубая игра отражений.

В сердце сладкое чувство, как мед.
Мысли — легкие тени без формы.
Лунный свет мою душу берет,
Как эфирный сосуд невесомый...

У дороги, отсунутый прочь,
Белый камень, как лоб чародея.
Смотрит сумрачно в лунную ночь...
И на сердце мне сказочным веет.

СОН ИАКОВА.

Над сонными полями
в усатой ржи
и молодом овсе

Прохладный ветерок,
порой, певуч
и ласков.

И успокаивался я
не раз
в таком же дивном сне.

Который некогда видал
еврей Иаков:
Вдруг с неба лестница спускается к земле

и трубят ангелы,
руками машут мне ---
И здрав иду домой,

вполне
признателность
К Творцу земли оплакав!..

ВДОХНОВЕНИЕ.

Электрической лампочки груша свесилась
К самой бумаге и так светло

И так, почему то, и просто и весело
Чернило с пера потекло.

Ах, это потуги, сладкие дружные —
Умей выбирать момент!

Вот и бежат уже строки жемчужные
Обрывками яркими лент.

Перо по бумаге скользит, как заново.
Полночь пробили часы...

Хоть до восхода пиши румяного,
До первого взмаха косы...

В СТЕПИ.

В небе месяц сторожит
Тучки кудреватые.
Ржет косяк: в глуши степной
Кобылицу сватает.

Пахнет горьким полыном,
Медовой осотою.
Дружно звезды надо мной
Млечный холст работают.

От земли идет тепло.
Воздух без движения.
По воде идут за мной
Света отражения.

Месяц с тучи на меня
Поглядеть торопится.
Как и я, ночами он,
За мечтой охотится.

НАШ МИР.

И нет конца
и нет начала тайне...
Но Нечто вечное
глядит в мое лицо.

И чувствует душа
бездбрежные окраины —
а бренный мозг
железное кольцо.

Смертельный страх,
ответственности трепет —
все вместе создает
мучительный разлад:

И хочется искать
прощающего Бога,
но соблазняет вольностью
разврат.

О, Боже, сколько
нитей, паутинок
связует нас
с утехами земли!

И как мучителен
всечасный поединок
за свет Христа,
нам брезжущий вдали.

БОГООТСТУПНИК.

Ах, если б мог я высказаться весь:
Все до конца излить, страданья, муки!
Путь указать, куда нам нужно престъ...
Но не могу: я тоже близорукий.

И грудь слаба и сердце бьет не так,
Как нужно было бы: свободы и простора
Не светит больше голубой маяк
И день меня преследует, как вора.

Раскаяться, иль руки наложить,
Иль надломиться грубо и преступно?!
Ужели нет надежды силой быть,
А жизнь лишь только запах трупный?

Богоотступник, не гневи небес:
Жизнь хороша, прекрасен дух свободный!
И если луч ума на миг в тебе исчез,
Взгляни на свет зари живой, богоподобный.

ВОДА.

Вода журчит,
Вода поет:
Свой голос есть в воде.

В ручье бежит,
В реке течет,
Шумит в стальной трубе.

Из года в год
Потоки вод,
Пришедши из глубин,

Несут нам жизнь
И мудрый гул
В зеленый мир долин.

Из глубины,
Где вечный мрак,
Отколь пришел и я,

Как слабый раб,
Как полумаг,
Как тайна бытия,

Вода несет
Живую весть
И блещет и журчит...

Она поет нам
«Солнце есть,
И злу неечно быть!»

РАДОСТЬ.

Как хорошо, ей-Богу, хорошо,
Когда душа, как мотылек ревнится,
Когда всех хочется обнять, расцеловать,
Со всеми вместе в танце закружиться.

Беспечность радости собой опьянена,
Но хитрое лукавство в ней гнездится:
Ах, радость знает, что она
Самой судьбой присуждена
Часами счастья не всегда делиться.

И потому она резва, как мотылек,
Легка, как молодая ветка.
Пусть времени у ней короткий срок,
Но сердце ранено всегда бывает метко.

И потому я радость так люблю!
Что счастье личное ценю и понимаю.
Когда я ей стихи мои пою,
Я о заботах скучных забываю.

СОЖАЛЕНИЕ.

Точно льдинки, листья под луною
Матовой играют белизною,
У корней дерев ютится тьма,
По заре рисуются дома.
Тишина и ночь — родные сестры.
Тучка черная — осколок острый —
Падает к уснувшему селу.
Месяц золотит отекшую смолу...

У ручейка тревожный шепот,
В кустах темно, между цветами ропот.
В саду немые тени, в роще гул
Встревоженных грачей в березах затонул...
Старинный дом, теперь уже колхозный,
Стоит, как тень действительности грозной.
Придавленный грехами старины!
И плачут окна всплесками луны...

Л Е Т О М.

Дуб склонился над оврагом,
Тень широкую откинул,
И в ручей свою макушку
Боевую опрокинул.

По оврагу, точно искры,
И гвоздика и ромашка,
И попы и земляника —
Луг, как пестрая рубашка!

Резво в воздухе кружатся
Мотыльки и тоже пестры:
Желто-серы, красно-черны
На тростник садятся остры.

Меж травы снуют муравьи,
Носят сучики и зерна,
А в кустах щебечут пташки,
В сучьях прыгают проворно.

А стрекозка, как игрушка,
Звонит крыльями сухими,
И блестящую макушку
Чешет ножками стальными.

НАД БЕЗДНОЙ.

У ветра есть голос суровый
Глубокой животной тоски —
Шатает ли колос набухший,
Иль бьется о ребра доски.

И в прошлом и в будущем бездна
Видна и открыта ему.
Я знаю, искать бесполезно
То, что недоступно уму.

Но жизнь бесконечно чревата,
Она ворожит обо всем:
Ведь было же что-то когда-то,
И будет же что-то потом.

Так часто я с ветром, как с другом,
Грущу над загадкой времен,
Грущу у подножья заката,
Над прахом отживших племен.

ПРИМИРЕННОСТЬ.

На черный край земли спустился
Огромный солнца мяч,
А под ногой песок нагретый,
Почти как днем, горечь.

Высоко небо голубое,
Как шелковый шатер,
Накрыло полыны и реку
И черный косогор.

Белеет выкрашенный мелом
Хохла убогий дом.
И пахнет дымом из оврага
И конским табуном.

А степь, как полотно в квадратах.
Мутнеет каждый миг.
Иду я тихо по дороге,
Чужой среди своих.

И шуток и речей не слышу.
И тишина во мне.
И мысли меж собою дружат,
Как караси на дне.

И ничего я не желаю,
Но рад, что я живу,
Гляжу на меркнущее солнце,
На камни, на траву.

НЕБО ЗАКАТНОЕ.

Небо зловещее,
небо пожарное:
что-то есть вещее,
что-то угарное,
жуткое, темное,
злое, тяжелое,
мрачное, вздорное
и невеселое
в этом разлившемся
пламени зарева:
жизнь в изменившемся
строится заново.

Ужас в бездонную
бездну спускается,
новое звонное
в тьме зарождается:
многие жили,
страдали и выбыли —
жизнь торопили
к мучительной гибели...

Новые шли им на смену
с знаменами
пылкими, сильными,
в солнце влюбленными —
вот почему
в свете неба закатного
столько же жуткого,
сколько приятного.

БЕЗДНА.

Иду... Шушукается ночь
С полудремотными кустами,
И безответно манит прочь
Итти бестропными местами.

Где мохом обрастают пни,
Где шепчутся сурово ели,
Где волки рыскают одни,
А соловьи во век не пели —

Там, в дикой заросли лесной,
Где бродят призраки разбоя,
Готов я, окруженный тьмой,
Стоять, как конь у водопоя.

Пусть из бездонной глубины
В упор безумие хохочет,
Пусть смех услышу сатаны —
Душа коснуться бездны хочет.

ПОЭЗИЯ.

Хотя ты пуст сейчас, как брошенный мешок,
Но карандаш возьми и успокойся:
Ах, добрая мечта моя, раскройся,
И подари мне маленький стишок!

До страсти я люблю простых созвучий
Тишайший, нежный перезвон:
Высокому и лучшему он учит,
И как облагораживает он!

И потому карандаша не брошу,
Немного погрущу и напишу!
И вдруг почувствую ту благостную ношу,
Которую я с радостью ношу:

Поэзия мой воздух и отрада,
Она же, и страдание мое:
И не каких мне ценностей не надо,
Когда она со мной и отдает мне все!

НЕ НАПРАСНО.

Звонких слов, ответных песен
Просит небо у меня.
Мир земли хорош, но тесен —
Стала замкнутой Земля.

Под обширностью простора
Сердце ширится, растет:
Дальше в путь, смелее в горы,
Ближе к небу, как пилот.

Знать, недаром в нашем веке
Сталь взвилась к небесам,
Под собой оставив реки,
Горы, степи и леса.

Не напрасно зависть к птице
Человек века питал —
Наконец он может взвиться,
Как на крыльях, выше скал.

Не напрасно он питает
Зависть к святости небес —
Час придет, он мир познает —
Мир, в котором прах исчез.

Звонких слов, ответных песен
Просит небо у меня.
Мир земли хорош, но тесен —
Стала замкнутой Земля.

ТВОРЧЕСТВО.

Безотчетно приблизясь душой
К тайне вечной, наполненной светом,
Ты находишь мир новый, большой
А себя в нем крупицей согретой.

Отрешись от земных непогод,
Унесись в мир мечтающей грэзы —
И тяжелую смену невзгод
Смоют тихие, сладкие слезы.

Этим светлым движеньем души
Пробиваем мы путь к совершенству,
То создаем, чем мы здесь хороши —
Бытие приближаем к блаженству.

В нас лежит, данный небом, залог
Неизбежной победы над прахом.
Так творит, созерцающий Бог,
Мир любви неколеблемый страхом.

МОЛИТВА ЯЗЫЧНИКА.

Тебе, закатному огню,
Как жрец перед алтарной кровью,
Молюсь, чтоб осенил мою
Больную грудь живой любовью.

Я жив и мысль моя полна
Пророческого вдохновенья!
Судьба грядущего темна,
Но нет холодного сомненья,

Когда я чувствую руки
Твоей ко мне прикосновенье —
Тогда я полон восхищенья
И мысли страха далеки.

Во всем разумность, всюду волю,
Творящую простор и свет,
Я вижу и себя неволю
Любить вселенную, и нет

Тогда презрения и злобы:
Я крылья чувствую и груль
Так широка в тот миг! Еще бы,
Ведь руки хочется сомкнуть —

Молить тебя, мой свет закатный,
Неутовимый, необъятный,
Благословить мой к Богу путь.

ПОЭТ.

Я жажду жизни, но иной:
Мое светящееся око,
Над изнемогшего землей,
Глядит свободно и широко.

Не силой мудрости... О, нет!
Но светлой грезой новой воли
Живет и верует поэт,
В суровом мире зла и боли.

Как солнце ласковым лучем
Он падший мир наш озаряет,
И не карающим мечем,
А силой слова побеждает.

Вмести же, добрый селянин,
В твои дела мечту поэта:
Ведь только в ней лучи рассвета
И мир без страха и руин.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Ах, как мне хочется
сердцем раненым
Упасть на Твою
распятую грудь!
Кем я родился
святым или Каином?
Чем я отметил
мой жизненный путь?!
Боль угрызения,
спазма жующая,
Что она хочет
во мне отыскать?
Что в ней? предчувствие ль
гнева грядущего,
Суд ли сегодняшний?
как отгадать?!
Грешника болями
вечность нащупала
Сгусток кровавый —
сердца комок —
Но с голубого
вечернего купола
Падает в душу
лилейный цветок.
Ах, как мне хочется
сердцем раненым
Упасть на Твою
распятую грудь.
Кем я родился
святым или Каином?—
Вечерней молитвы моей
не забудь!

СЕРДЦЕ.

В черном мраке, где страх и биение,
Трепещет сердце ритмично, в такт:
Рвется, тоскует, освобождения
Ждет, но упорствует мрак!

И нет и не будет тебе прощения!
Черви съедят тебя, скажешь: «За что?»
Знай, это черное вечное мщение,
Всюду, как яд, разлито.

Черная ночь — бесконечность молчания —
Награда тебе, сердце мое,
За святое твое желание
Слово сказать свое.

Ты, ведь, комочек мяса израненный,
В красной руке Мясника,
Бьешься во мраке бессветном запаенным....
Тоска и тоска!

O C E H Y.

Землю заковало,
Всюду блещет лед.
Солнышко устало,
Скучное бредет.

Медною монеткой,
Там, где ветерок,
Треплется на ветке
Высохший листок.

По дороге гонит
Павшую листву.
Проводами звонит
Ветром на мосту.

Небо в серой дымке,
Надо мной, как зонт.
В шапке невидимке
Скрылся горизонт.

Осень наступила.
Уж зима близка.
Душу посетила.
Черная тоска.

Жаль весенней ласки,
Летней теплоты,
Время песен, сказки —
Жаль мне вас, цветы!

БЕЗБОЖНИКАМ.

Да, вас пугает слово «Бог».
Оно тревожит вас и мучит.
Тем, что и требует и учит.
Хоть в нем один лишь только слог.

Короче быть не может слово,
Ясней не может быть оно.
И не найти еще другого,
В котором все сопряжено:

Что дух живой о мире знает,
Что мысль сумела охватить —
Речь этим словом обобщает,
Чтоб в тьме мучительной светить.

Пусть мы упорствуем и страстно
Наш защитаем произвол,
Безумие слепцов напрасно:
Наш разум этот слог нашел.

В ЛЕСУ.

И ель блестит и сосны серебрятся.
Осколки неба в лужах хороши.
Здесь некого и нечего бояться:
Я еду на коне один в лесной глухи.

С седла глядеть мое большое счастье
В пробоины зеркальные в земле.
Здесь нет насилия и грубой власти.
Люблю я быть от власти в стороне.

Здесь глубина времен и тень всков
На все кладут суровое обличье,
И перед мудрой правдой стариков
Лесная тьма тебя смириться кличет:

Повсюду старость — в зарослях, в болоте
И в шепоте листвы, и в плесени дерев.
Здесь все стоит на вечном повороте,
На том пути, где больше дум, чем слов.

Здесь темный гул с тобой ведет беседу.
И жизнь и смерть в дыхании твоем.
Я слушаю их речь и тихо еду,
Забывши власть с ее ненужным злом.

И звонко топая копытом по настилу,
Идет мой конь — свободны повода,
А я — я чувствую уверенность и силу
Такую мирную, как тихая вода...

БУДТО НЕЛЬЗЯ...

Птенчики в гнездах уснули.
Роща в тумане бледна.
Плавает на карауле
В розовой дымке луна.

Даль, где рисуются горы,
Точно мазки серебра.
Как непонятны раздоры
Будто бы ради добра!

Или добро не имеет
Нужного в мире пути?
Разве нельзя там, как змеи
Умно вокруг обойти?

Кажется, люди забыли
Волю бесплотной души.
Сердцем всерьез не любили —
Не знают, как мы хороши!

ЖЕНЕ.

Поле спелой ржи и розовый закат,
А по закату жидкые березки,
И вдали, к оврагу, силуэты хат
Рисуются на розовой полоске.

Скоро ночь. Уж звездочка зажглась
На корме холодной синей тучи.
От реки прохлада полилась,
Рожь склонилась гривою колючей.

Ты стоишь у среза черной ямы
И глядишь, куда то далеко.
Карие глаза твои упрямы,
Залегла печаль в них глубоко.

Это было так давно... когда то...
Но запомнилось... и навсегда!
Знаю, я тебя обидел как то...
Помню, что томился от стыда.

Но тем краше и милей ты стала
Для меня в тот незабвенный миг:
Ты, как Мудрость древняя, стояла —
Я жевал свой стыд, как горький жмых!

Побежденным шел с тобой обратно.
Ты несла в себе обиду и тоску.
А мне было стыдно, но приятно
Наклоняться к твоему виску.

ВПЕРЕД.

Поэт зари и сумрака лесного,
Твоя душа зناхарка ворожит:
Для ней ничто не старо и не ново —
В ней все, как данное, в бессмертии лежит.

Земля и воздух, звезды и планеты —
Весь этот мир безвременiem живет.
И творчество, о чём поют поэты,
С ним рядом, в ногу, царственно идет.

И нет конца борьбе, переустройству:
Оно лежит в характере Творца!
Не верьте нашему земному беспокойству
И не ищите страшного конца.

Жизнь личностью живой творит законы —
Она есть путь, которым Бог идет.
И наша кровь и наша боль и стоны —
Все это служит вечному «Вперед!»

ВСЕЛЕННАЯ.

Тишина и безбрежная ночь —
Пустота без границ и без края.
Мысль и сердце хотят превозмочь
Тебя, вечная бездна пустая.

Ты полна неисчисленных звезд,
Дышишь ты глубиною бездонной.
Моя мысль перебросила мост
В мир твой черный, холодный, беззвонный.

Что же вижу я в бездне твоей?
Что я чувствую в тьме необъятной?
Только искры моих же идей
Рядом с тайной твоей непонятней.

Часто грезы и чувства мои
Ищут в бездне небесные своды...
Ах, не черные ль тайны твои
Разрешают, страдая, народы?!

И плывут над землей небеса —
Бездна черная преодолима.
И герои творят чудеса,
И Вселенная ими любима.

Тишина и безбрежная ночь —
Пустота без границ и без края.
Мысль и сердце хотят превозмочь
Тебя, вечная бездна пустая.

ЗАКАТ.

Закат вечерний, ты смерти близок,
Но ты мне дорог, как жизни зов.
Тебя люблю я: твоим дыханьем
Мой дух тревожный и свеж и нов.

Я верю смерти твоей несмортной,
Ловлю огонь твой, как неба кровь:
Я умирающий, но не мертвый,
Живущий в мире бессмертных снов.

Из поколения в поколенье
Несешь ты людям свою печаль.
Олетый ночи холодным мраком,
Зовешь ты падших в святую даль.

Ты будишь мысли о вечном лете,
Ты учишь жертве ради других.
Ты грустно-кrotок и духом силен,
И бесконечно далек и тих.

В ПУТИ.

Месяц ясным фонариком с неба
Освещает дороги нить.
И меня, и лошадку, и поле
Хочет светом тоски залить.

Лунный свет согревая сердцем,
Начинаю я сладко грустить.
Я мечтаю о чем то вечном
И могу беспредельность любить.

Оттого, что любовь во мне зреет,
Я любуюсь на звезды, на снег,
На луну, что ласкает светом,
На равнины бескрайний разбег.

И свободно, раз крылья растут,
Подмечаю я с вечностью спайку,
И хвалю я и набожно чту
Землю милую — нашу хозяйку.

Есть гнетущая в мире рука —
Есть и свет, изливаемый солнцем!
Есть упругая мощь мужика —
Есть и чарка с нетреснутым донцем!

Я стегаю коня по хребту...
Огоньки наших хаток так милы:
Как я бедность народную чту,
Подмечая в ней скрытые силы.

Жизнь в реальных вещах хороша,
И во мне есть к прекрасному воля.
Как приятно и жить и дышать
В лунном свете широкого поля!

НАШЕ ВРЕМЯ.

Что ты ищешь, дух строптивый,
Грудь мою зачем томишь?
Иль наскучил мир красивый —
Лунный блеск, ночной камыш?

Или вяръмъ, нам людямъ, крови
Жажды дикая близка?
Для чего я сдвинул брови
С болью острой у виска?!

Оттого ль, что в мире серо,
Нет просвета, нет луча —
Ни высокого примера,
Ни надежного плеча.

Потому ль, что крови море
Плещет всюду — здесь и там...
Оттого ль, что страх и горе
С дикой пляской пополам.

Что ты ищешь, дух строптивый,
Грудь мою зачем томишь?
Иль наскучил мир красивый —
Лунный блеск, ночной камыш?

B E C H A.

Оделись зеленью пригорки,
Шумят и пенятся ручьи.
Вода сочит по щелям в норки,
Кричат голодные грачи.

Уже на солнечном пригреве
Паук усердно нити ткет.
Мужик мечтает о посеве.
Подснежник в зарослях цветет.

Заря с отрядом синих тучек
Беседу строгую ведет.
Уже отточенных колючек
Шиповник высыпает взвод.

Дороги щодсыхают. Травка
Тревожит прошлогодний лист.
В воде зашевелилась пьявка,
И свищет скворчик, как горност.

Весна! Сквозь зелень молодую
Луч солнца — золотая нить.
И вихри пыльные танцуют,
И ястреб высоко парит.

В окно плакучая ракита
Стучит молоденьким листком,
И где-то под землей сердито
Урчит далекий первый гром.

Толпятся дети, прудят воду.
В просторном небе журавли
Кричат призываю: на свободу,
Куда-то в даль зовут они.

И сердце щемит боль тупая,
Зовет в безбрежное просвет...
О, ты прекрасная, святая
Весна, которой больше нет.

ПОД ГИТАРУ.

У окна тенистый ясень —
У дороги ряд берез.
Молодик, хотя и ясен,
Но еще и мал и кос.

Тени слабые ложатся
С легкой дрожью под откос.
Как тут, правда, не сознаться,
Что влюблен уже до слез.

Чей-то голос на террасе
Чью-то арию поет.
Кто-то свет в окошке гасит.
Чья-то тень в кустах идет.

Шорох — в листвах перебежка.
Ветерок пахучь и прян.
Не хочу сегодня мешкать.
Постучу к ее дверям...

У окна тенистый ясень —
У дороги ряд берез.
Молодик, хотя и ясен,
Но еще и мал и кос.

КОЛОКОЛЬЧИКИ.

I

Ночь стеною — снег, хоть плачь:
Ни огня, ни дыма...
Как шальная тройка вскачъ
Пронеслася мимо.
Коренник лихой в поту,
Колокольчик плачет.
Пристяжные на лету,
Обезумев скачут.
От саней несется пыль...
Улеглась... пропала...
За судьбой ли, от судьбы ль
Тройка проскакала?..

II

Отзвенел мой голосок,
Что певал на воле.
Горе черное у ног
Стелется, как море.
Не видать конца ему...
Сердцу то как больно!
Сердцу больно потому...
Замолчи, довольно!
Эх, ты русская тоска —
У даль без отчета —
Широка ты и узка...
В славе, без почета!
Стисни зубы и замри...
Чем утешить волю?
Колокольчики мои
Не сдавались горю!
Все звенели... В ширь и в высь
Пели не смолкая:
— «Буря дикая, уймись,
Не дури, седая»!

ВЕЧЕРОМ.

Падают тени вечерние
На мой недалекий путь.
И не так уже колятся тернии,
И сердцу дано отдохнуть.

Розоватость от солнышка нежная
Шлет последний прощальный привет,
И тихая радость безбрежная
Льется мне в душу, как свет.

Кажется все разгаданным.
Все на месте своем.
И не страшно, что пахнет ладаном —
Мы за розовым светом идем.

И как странно, хотя и естественно,
Родиться, прожить, умереть...
Не понять нам Тебя, Божественный,
Но божественно хочется петь.

НА СМЕРТЬ ОТЦА.

Вот он лежит, как живой на одре:
Руки сложил и свободно и просто.
Кажется мысли о зле и добре
Сердце его не тревожили остро.

Видите, жил человек и уснул...
Лоб еще светит высоко и ясно,
Только, вот, взор навсегда утонул...
Жил человек, как и все, не напрасно.

Белых седин иссиневшая прядь
Дыбится так-же, как раньше бывало.
Весь, как живой, так и нудит позвать!
А человека то, все-же, не стало.

Слезы не нужно о нем выжимать:
Видите, как он и прост и спокоен.
Мертвым и я бы хотел так лежать,
Только, вот, буду ль того удостоен?!

Добрый, простым человеком он был.
Честность хранил удивительно строго.
Бедных, сирот и несчастных любил,
Сам хотя тоже имел не так много.

Ясный, простой и незлобивый ум,
Сердца отзывчивость, добрую силу,
Чуткую нежность доверчивых дум —
Разве тогда мы зарыли в могилу?

Нет! Это все остается при мне,
Светит незримо, как луч путеводный
Страннику светит в нахлынувшей тьме.
Мир тебе светлый, старик благородный!

НЕЖНОСТЬ ВЕЧНАЯ.

Соловей ли
в саду
распевает,
Сова ли
в лесу кричит, —
Знаю я:
это жирнь
страдает —
Ищет раны свои
залечить.
В вышине,
где царства небесного
Свет далекий мерещится нам,
Сердце ищет
мир
безтелесного,
Где нет места
земным
грехам.
Пусть
поют соловьи
неумолчно
И совы кричат
без конца,
Пусть вражда
разрывает
по волчьи —
Нежность вечная сердцу близка.

В САДУ.

Как мяч, подброшенный лаптой,
Луна несется к тучам,
И свет кидает золотой.
И сад стоит, как облитой
Сиянием певучим.

Грустят уставшие цветы.
В аллее бродят тени.
Росою искрятся кусты
И переброшены мосты
В мир сладких приключений.

Из темной зелени плоды
Зовут соблазном тела.
Ах, эти лунные сады,
И вы, росяные следы —
Чье сердце не болело?!

Кто не отдался ворожбам
И сада и тумана,
Кто тихим звездным небесам
Своей души не отдал сам
Мучительно и пьяно?

Кто близкой, молодой руки
Не жал в минуты эти,
Чтоб боль мучительной тоски
Решить свободно, по-людски,
Любя при лунном свете.

ВЕСНА.

Май наступил такой потешный,
Веселый, бойкий, молодой —
Здесь необузданный и греческий,
Там необдуманно святой.

На каждой ветке, в каждой кочке
Живут соблазны и цветы,
И раскрывают нежно почки
Для нежных юнцоуев рты.

В груди осадок зимний тает,
И руку хочется пожать
Тому, кто звечно изнывает,
Бессильный горечь обуздать.

Давай, мой друг, кружиться вместе,
Петь песни, завивать венки,
Как это делали лет двести
Тому назад и старики.

В природе нет забот и время:
Она всегда в своем цвету.
Лишь люди, сумрачное племя,
Изжить не могут суету.

Но каждый год наци май веселый
Надежды сердцу подает:
Весна порадует нас скоро,
Весна придет... Весна идет!

ПЕРЕЖИВАНИЕ.

Я гляжу с великим удивленьем
На луну, на звезды, на закат.
Места нет терзающим сомненьям —
Я великой, вечной Тайне рад.

Я гляжу... гляжу... — я пью незримость
В зорькой прелести заката, звезд,
Чувствуя в душе необходимость
От земли до неба вскинуть мост.

И мое ничтожество земное
Забывается в подобный час.
Только высшее ценю я, как родное,
И прекрасное лишь ставлю напоказ.

И Творца, окутанного тайной
Прозреваю я, и я молюсь
Светлому началу не случайно,
А сознательно и жизни не боюсь.

ЯЗЫЧЕСКОЕ.

Кто из нас не любит и не знает
Близости с вечернею зарей,
В час, когда природа усыпает —
В час, когда, пылая за горой,
Солнца свет пурпуровой игрой
Тучи синие, как кровью, обливает.

Эту близость трудно передать:
Слово наше хрупко и убого.
Но никто не может отрицать,
Пережив закат хотя немнога,
Ощущимость таинства и Бога
И возможность сердцем созерцать.

Грусть и радость и огонь заката...
Тишина и шорохи листвы —
Ночь несказанно красотами богата —
Блеском рос и лепетом травы,
Глубиной безмолвной синевы,
И туманами мохнатыми, как вата.

И когда один, наедине,
Приобщивши душу созерцанью,
Отдаешься сердцем в тишине
Любопытному с зарей соревнованию —
Разве ты не видишь там, за гранью,
Бога личного в мерцающем огне.

Потому я и молюсь закату,
Свету дальнему — призывному огню —
Блеску звезд по голубому скату...
Потому предпочитаю дню
Я вечернюю мечтательность мою,
С нами в вечности рожденную когда-то.

ВСЕЛЕННАЯ.

Бьет двенадцать. Ночь упорна.
Звезды реют над селом.
И роса блестит на ветках
Полноценным серебром.

Тишину ласкают звуки.
Тьма, как бархат меж кустов.
Слышно мне, как робко звонит,
В ухо мне, моя же кровь.

Тени ходят. Всюду шопот.
Жизнь в безмолвии своя.
И уводит мою душу
Лунный свет в свои края.

Каждый шагох, блеск росинки —
Все полно добра, ума.
Тучки в лунном блеске млеют,
Точно в сказке терема.

Влив свою живую душу
В звезды, небо и поля,
Вижу я легко и ясно,
Что вселенная моя.

Что она со мной зачата,
Неразрывно от меня,
Что она и я, когда-то,
Стали храмом бытия.

Бьет двенадцать. Ночь упорна.
Звезды реют над селом.
И роса блестит на ветках
Полноценным серебром.

ДОРОГА К СВЕТУ.

Призыву совести послушен,
Иду, как тень немая в ночь,
От суеты и шума прочь —
Гляжу, как месяц благодущен,
Как лес сиянием опущен —
Иду сомненья превозмочь.

Больная зыбь моей тревоги,
И луч заката золотой —
Ведут беседу меж собой.
Веселый, молодой, двурогий
Рисует месяц на дороге
Тень лиц притчудливой резьбой.

Объятья чувствуя природы,
С ней рядом мудр и одинок,
Иду, как друг и как пророк,
Любуюсь на леса, на воды,
На протекающие роды
Там, где миров живых исток.

Занять потерянное место
Зовет меня моя тоска.
Разгадка, кажется, близка
И направление известно —
Идти казалось бы не тесно:
Дорога к свету широка.

Но слабость наша человечья,
Как ты чревата, как ты зла:
Ты всюду на пути была.
Туда, где счастье светит вечно,
Где вдохновенье бескожечно,
Где мудрость разума светла...

Д У Ш А.

К источнику, души моей безбрежной,
Я подхожу и вижу целый мир
Заботливости ласковой и нежной.

И чувство полноты и общности с природой
Объемлет мысли светлые мои,
И я стою, обласканный свободой.

Устойчивое чувство доброй веры
Тогда я чувствую и существо мое
Воспринимает то, что без конца и меры.

И радость чистая моей любви к земле,
Увенчанной пространством и звездами,
Как творческий порыв, живет во мне.

И ласки и любви источник новый
Бьет в сердце у меня, как теплый ключ...
И с верою гляжу на мир суровый.

НА СМЕРТЬ МАТЕРИ.

Одному только Богу известно,
Как нам в жизни и больно и тесно,
И как хочется сердцу в простор.

Но зачем же, что смертью зовется,
Тяжело так в душе отдается,
И слезою туманится взор!

Знать, меж нами на общей дороге,
И в любви, и в ненужной тревоге
Есть одна непрерывная нить...

Преклонимся ж с торжественным страхом
Перед жизнью, расставшейся с прахом,
В нас еще продолжающей жить!

Вверим наши и судьбы и страсти
Беспределной божественной власти,
Где мы все бесконечно равны.

Не теряйте ж упорства и силы:
Наше творчество не для могилы...
Ах, не будем же удручены!

ПАРАД ДЬЯВОЛА.

Дьявол смеялся, а мы проходили.
Много нас было несчастных калек:
Всех нас когда-то и где-то убили —
Вечно враждует слепой человек.
Горечь обиды в груди закипала...
Думалось: «Вот, погоди, отомщу —
Выскажу все до конца от начала!
Этот уж раз я тебе не прошучу»...
Быстро шагают... Все молча проходят...
Трусы, не могут в лицо заглянуть.
В сторону, в землю пугливо отводят
Злые глаза и не смеют дожнуть.
Снова ругаюсь: «Теперь ли бояться?!
«Плюнуть ему только стоит в глаза.
«Крикнуть: «Довольно над миром смеяться
«Ты всего пыль, а не с неба гроза!»
Ближе иду... Подымаю упорно
Взгляд свой к его переносью как-раз.
Вижу, в глазах удивительно черно:
Будто бы туча несется на нас.
Медленно, гадко кривится улыбка.
Что в ней, в улыбке — никак не пойму.
Что-то живое, заманчиво, гибко
В глазах сварило бездонную тьму.
Что это? Что это стало со мною?!

Грудь подымаю, равняю плечо,
И, повернувшись к нему головою,
Слышу, что сердцу опять горячо.
Будто огонь в нем священный родился.
Ненависть гаснет и злобы ни зги.
Шел я в шеренге и жарко молился
Дьяволу каждым ударом ноги.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

Зимнему вечеру низкий поклон...
Снегу навеяло выше окон:
Белой стеной опоясана хата.
Буря утихла. Блеснуло с заката
Красное солнце на белый сугроб,
Зайчика кинуло на гардероб
И, напророчив сердитый мороз,
В тучу мохнатую спрятало нос.

Звезды зажглись, отскрипели ворота.
В крышах блеснула луны позолота.
Дышится воздухом свежим легко.
Глазу окрестность видна широко:
Смотришь, но будто глядишь не глазами,
Сколько, пришедшиими в душу, мечтами.
Скрип под ногами и звонок и сух
Как-то режет и радует слух.

Дым над трубой подымается выше.
Стало еще и морозней и тише:
Слышно, как треснуло где-то в лесу.
Рад я, что теплое сердце несу,
Рад, что могу любоваться зимой,
Рад, что спешу от мороза домой
Духом спокоен, здоровьем польщен. —
Зимнему вечеру низкий поклон.

«ДА» или «НЕТ».

Ночь темна и звезды крупны.
Наши взгляды совокупны.
Меркнет, меркнет свет зари,
Слушай, сердце раствори.
Дай любви сказать, хоть слово.
Не гляди так в даль сурово.
Не томи! твоя тоска,
Знай, моей тоске близка.
Руку дай! Гляди, как свод
Звезд смыкает хоровод,
Кружит их в согласном хоре...
Как просторно на просторе,
Как тепла твоя рука,
Как любовь недалека.
Что ж молчишь? скажи хоть слово,
Не гляди так в даль сурово,
Не томи моей души:
Мы, как дети, хороши —
Хороши, как эта ночь...
Не уйти отсюда прочь.
Будем ждать, когда восход
Свет ласкающий пошлет.
И тогда шепнут цветы,
Чтобы «да» сказала ты.
И тогда рука с рукой
Мы пойдем к себе домой.
И короток будет путь,
И до солнца не уснуть.
Что ж молчишь?.. Скажи, хоть слово...
Не гляди так в даль сурово...
Не томи! — твоя тоска
Так моей тоске близка...

МЛАДЕНЧЕСТВО.

Все в той же огненной одежде,
Все теми же красками богат,
Сегодня, как случалось прежде,
Опять ласкал меня закат.

И чувство мощное призыва
Я вновь с восторгом пережил.
И мира творческое диво
Живому сердцу приобщил.

И снова тайну нашей жизни
Переживал я, как любовь.
И свету, как родной отчизне,
Я приобщал живую кровь.

И тихо на меня глядела
Святая мудрость всех времен.
И радость чувствовало тело
Став вновь ребенком без пелен.

Доверчивости нежной чувство,
Младенческая доброта,
Вот жизни высшее искусство
Закон природы и Христа.

СМЕРТЬ.

Ветер клонит макушки дерев
И поет так уныло — печально.
Небо синее смотрит к земле,
По осеннему, звездно — хрустально.

И холодного ветра напев,
И сгустившийся мрак у дороги.
Будят в сердце живом у меня
Неприятное чувство тревоги.

И так страшно мне вдруг за себя,
За людей, за любимое дело, —
И животная оторопь вдруг,
Как когтями впивается в тело.

Страх томительный, жгучий, как боль,
Проникает мне в душу глубоко...
И с сознательной ясностью я
Сознаю, что конец недалеко.

Я умру... Ну, а ветер шуметь
Будет так же над мрачной могилой,
Все такой же суровый, ночной
И такой же загадочно-милый.

ОСЕННИЕ ШУМЫ.

Заря умирает. Над лесом светло.
В кустах, у опушки, чернеет...
А ветер осенний шумит по листву
И холодом на душу веет.

И мрачные думы приходят ко мне —
И сердцу вдруг боязно стало.
И, кажется, пусто, темно на земле:
Все вымерло, жить перестало.

Живут только ветер да шумный поток...
Живет только шорох листвиний.
Да кружится сорванный ветром листок
Над желтой забытой поляной.

И долго стою я, и долго гляжу:
Темнеет заря, умирает...
А ветер сердито теребит листву,
Знать, тучу в поход собирает.

Но вот, человеческой тихой тоски,
Любовь согревает тревогу...
И ласковей,тише шумят лепестки,
Слетая ко мне на дорогу.

ЖИЗНЬ.

Сегодня я хороший день провел:
Сидел я на горе и молодостью цвел...
Следил за тучами и воздух свежий пил.
И жизнью самой природы жил.
Вокруг меня веселые внучата
Резвились, как беспечные волчата.
Играли в мяч и бегали за ним,
И каждый был по-своему любим.
Я отдавался солнцу и горам,
Мой взгляд скользил по белым облакам.
Я в синеве, как в море утопал,
Когда я навзничь на земле лежал.
Я землю чувствовал и близкой и своей,
Когда лежал крестом на ней.
Я ничего не думал, не желал.
Я чувствовал, что я в борьбе устал.
Я сознавал, что путь почти пройден...
Но тот, кто любит жизнь, далек от похорон:
В нем сердце дружит с молодостью вновь,
Когда глаза следят за взлетами холмов,
Когда за дымкой синеватой гор
Распознается ледяной узор.
Когда все радует, когда сама печаль
Похожа лишь всего на голубую даль,
Когда все прощено, а прошлое забыто —
Жизнь не разбитое корыто,
А ценный и священный дар
Для каждого, — кто молод и, кто стар.

X P A M.

Я в храм иду затем, чтобы поток
Безвременья влить в страждущую душу.
Как я похож на тот больной цветок,
Который солнце на припеке сушит.

Я не разгадки бытия ищу,
Но я к источнику его хочу склониться,
Сказать себе: я верю, не ропщу —
Я должен с сущностью земли и неба слиться.

И я иду, как многие идут,
Все с той же целью, дать душе дыханье.
Как жалки те, которые не пьют
Живой воды духовного страданья.

Здесь, в храме, прошлое и будущее вместе
Сливаются, как в центре, и тогда
Жизнь, уподобившись повенчанной невесте.
Переживает страх греховного стыда.

Безгрешный суд, суд справедливый, вечный
Приемлет человек и рад, что осужден,
Что в мире суголоки, злобы бессердечной
Он видит путь, который освещен.

И чувство веры творческой он ценит:
На самосуд он смотрит, как на путь,
Который жизнь греховную изменит
На жизнь, к которой ближе станет Суть.

ЖИЗНЬ.

Нельзя тебя не осудить,
Нельзя тебя и не любить,
Живая жизнь:

Ты тьма и свет, ты боль и страх...
Ты на земле и в небесах —
Повсюду ты.

И гнев борьбы, ты и любовь,
И слезы детские и кровь,
Как и мечта.

И создаешь и рушишь ты.
Ты пыль земли, земли цветы
И стон и смех.

Ты беспредельна и мала...
И ты еще не отцвела
И будешь цвести!

И в каждой капле, в каждом сне
Поешь ты о своей весне.
И нет конца

Твоим щедротам и трудам...
Люблю тебя, как божий Храм,
О, жизнь моя!

СВЕТ И ТЬМА.

В душе, опустошенной злой,
Нет места розовым цветам —
Лишь терни родятся там,
И страх перед гнилой угробой.

И приговор произнесен...
Но все-же миг такой бывает,
Когда небесный, сладкий звон
Темницу нашу посещает.

Вдруг кто-то светлый у окна
Проходит поступью незримой...
И мысль тогда озарена,
И голос слышен херувима.

И верит светлая мечта:
Придут назначенные сроки...
У вновь найденного креста
Заговорят Его пророки.

И будет человек изъят
Из черной глубины порока.
Я верю в светлого пророка,
Христа, испившего весь яд.

Познай, приговоренный к смерти,
Бессмертия живой черед.
О, люди сумрачные, верьте,
Что жизнь светла, что Свет идет.

В разгуле страха и насилий,
В потоках крови, тень живет
Христовых непорочных лилий...
Да осенит свой мир Господь!

МОГИЛКА.

На родной стороне, есть могилка одна,
Уж, наверно, с землей поровнялась она.
Вид красивый с холма открывается там —
Через реку в луга, где раздолье цветам.
Купа тощих берез, в глину вросших кой-как,
Корни бросили вниз, под отвесный овраг.
Ряд могилок простых без камней, без крестов
Окаймляют обрыв, опустившийся в ров.
Я с лопатой пришел на кладбище тогда...
Не забуду тот день никогда, никогда!

Помню няню мою, Груней звали ее.
Знать, нелегко было бабки Груни житье:
Нанялась за гроши к моей матери в дом —
И росла детвора вокруг Груни кругом.
Всех любила она, всем желала добра.
Двадцать лет прожила, стала вовсе стара.
Умерла... Я пошел на кладбище с киркой...
Стал я место искать — бабке вечный покой.
Помню, долго ходил, между щуплых берез,
И рябилась земля от нахлынувших слез.

И, когда подошел я к обрыву, где дул
Свежий ветер в лицо, я лопату воткнул!
Здесь простором моя грудь дышала вполне —
Здесь и Груни лежать будет легче в земле...
Так решил я тогда, на лопату налег:
Заплатить за труды только этим и мог.

ТРУП.

...: где труп, там
собираются и орлы.
Ев. от Луки 17. Ст. 37.

Только лишь небо заря охватила
Жутким вечерним огнем,
Хищная птица его навестила
И угнездилась на нем.

Долго глядела в застывшие очи,
Видно, боялась она
Рвать обнаженное тело на клочья,
Пока не засветит луна.

Крикнула дико, махнула крылами
И поднялась в высоту.
Медленно плавала в небе кругами,
Жертву следя на лету.

Вот и луна показалась. Зловеще
Стала она над землей.
Птица спустилась и клюв ее блещет,
И глаз отливает луной.

И рвет она тело на клочья когтями
Кричит, сбозленно шипит...
Но тихо и мирно вокруг, и звездами
Таинственно небо горит.

ГРУСТЬ.

Грусть, моя грусть... Но о чем я грущу?
Что-то потеряно... что-то ищу...

Или забыто что — вспомнить нет сил...
То ли любил кого и разлюбил?

Или погибло что и навсегда.
То ли предчувствую, грянет беда...

Грусть, моя грусть... Но о чем я грушу?
Всем бы простил, ну, а что я прошу?

Сам уже многих людей оскорбил.
Так ли уже сильно страдал и любил?

Или искал что и все ж не нашел...
Сам не заметил и мимо прошел.

Может быть, в людях ты был не своим?
Льнул полюбить их, а был не людом.

Многое прошлое стало, как сон...
Может быть, жизнью ты был обделен?

Грусть, моя грусть, но о чем я грушу?
Знаю одно — никому я не мщу...

ПЕСНЯ ДВАДЦАТОМУ СТРАШНОМУ ВЕКУ.

Что скажу я этой песней новой,
И какие подберу напевы?
Век наш гордый, грубый и суровый —
Страшный век действительности левой,

Нашей кровью, как зарей алеет.
И в глазах у человека дико:
Только страх на сердце ои имеет,
Л в груди боль сдержанного крика.

Нам убийство — что тебе забава!
Кровь пьяният нас, как хмельной напиток.
Сила грубая святого права
Под ногами топчет древний свиток.

Наши гимны куплены угрозой.
Наш позор преступно лицемерит.
Мы гнилое прикрываем прозой.
Наша трусость лжи преступной верит.

Нет для нас ни меры, ни границы:
Наша жадность без чутья и страха.
Мы спешим, как ночью темной птицы.
Расшибаясь о маяк с размаха.

Нас жалеть никто, нигде не будет.
К нам брезгливость в детях сохранится.
Суд придет и грозно нас осудит...
И никто, никто не прослезится!..

БЕЗ ПУТИ.

В сердце тревога всегда.
В мыслях то солнце, то тьма.
Вечно о чем то грущу,
Вечно покоя ищу
И не могу отыскать,
Чтобы утешенным стать.

Грех ли какой совершил?
Правду ль кому не сказал?
Иль никого не любил?
Или кого осмеял? —
Только так грустно всегда,
Больно, тревожно порой...

Жизнь ли забыла меня?
Сама ли для ней я не свой!

Л Е Т О М.

Опять ручей, под тенью голубой,
Блестит огнем вечернего заката,
И задымившейся кирпичною трубой
Рисуется на нем кривая хата.

Опять скрипит разбитым колесом
Голодная мужицкая телега.
Семья коней пасется табуном
И сердце радует приятный страх ночлега.

И от костра дымок уже ползет.
И звезды крупные над черным лесом виснут.
И где-то тут в овраге рыщет волк...
И как приятно в это время свистнуть —

Тьме, заглянувшей в душу, дать ответ,
Сказать врагу, что я стою на страже.
Что день придет, что загорится свет —
Пусть ночь чернее самой черной сажи!

НАСЛЕДСТВО.

Юность нескладная, что ты дала —
Душу разбитую, сердце тревожное?
Разве ты радостью чистой цвела,
Полулюбящая, полуబезбожная!

Что приняла ты от слабых людей
В помощь, в наследство, как ценность сердеч-
Круг ли живых, благородных идей, [ную?
Узаль ли страсти слепую, беспечную?

Совести яд в моих ранах пылал:
Будто бы тайным проклятием связанный,
Мучился я и прощения ждал,
Свету ведущему болью обязанный.

Боль эта сердце заставила петь.
Муки страданий в цветы обрядились...
Свет научил меня в вечность глядеть,
В мир, где сомненья мечтой разрешились.

Сила восторга во мне родилась.
Счастье любви пробудилось сладчайшее.
Божья природа со мной обнялась.
К небу я несся дорогой кратчайшею.

Старое, дряхлое, что получил
Я, как наследство от мира порочного,
Разум родившийся испепелил
Нового ради, святого и прочного.

Юность нескладная, что ты дала —
Душу разбитую, сердце тревожное?
Разве ты радостью чистой цвела,
Полулюбящая, полуబезбожная!

ЕЛОЧКА.

Она в лесу под снегом зеленела.
Ее срубили острым топором.
И молодое и живое тело
Из леса увезли и водворили в дом.
Где для нее готовили подарки —
Забавы из стекла и хрусталия.
Огонь свечей на ней зажгли так ярко,
Что отвести глаза было нельзя.
И дети бегали вокруг нее и пели
И взрослые ей радовались все.
Особенно они внимательно глядели,
Как шедшие уже по сжатой полосе.
И елочка всем ласково шептала:
— «Что ж, радуйтесь... пускай я умерла...
«Для счастья вашего и жить я перестала
«И вашей мишурой невольно зацвела...
«Вас упрекать не буду я, конечно,
«Я, как символ грядущих дней, умру:
«Ведите же любя, легко, почти беспечно
«Вы жизнь свою, как с елочкой игру»...
И елочка отпраздновала праздник —
Свой праздник похорон — и умерла.
Настали будни, дни борьбы, боязни,
Взаимной склоки и больного зла.
Но елочка придет! все дети это знают,
Все взрослые ее с любовью ждут:
И песенки для ней подготавлиают,
И новые подарки берегут.
Да, елочка придет! придут ее надежды
И зацветет земля любовью и добром.
И будут вспоминать грядущие, как, прежде,
Любовь и доброе казались только сном.

В ПУТИ.

Снегов необозримых даль,
Луны туманная печаль,
Шум под полозьями саней
И точки робкие огней
Деревни, скрывшейся в кустах,
Зарытой в голубых снегах —
И мой тулуп и пар ноздрей,
Уже зайндевевших, коней —
Все это не реальность... нет!
А сказочно-волшебный бред,
Который дух из мыслей ткет.
И он на ухо мне поет
Так нежно, нежно: «Милый сын,
«Ты в этом мире не один, —
«Вас много странных, все таких,
«Любящих полнозвучный стих,
«Лишь потому, что снег кругом,
«Что звезды светятся костром,
«Что месяц льет свой бледный свет,
«Что края горизонту нет,
«Что нет движению конца
«Под звонкий говор бубенца,
«Что нет милей и нет добрей
«Простых, страдающих людей!»

ПРОСВЕТ.

Все небо тучами одето.
На горизонте лишь просвета
Полоска голубых небес
Полна пророческих чудес.
И я, залюбовавшись ею,
Переживаю жизнь полнее
И чудится мне, что она
Из звуко-красок соткана.

Так, с нею повенчав себя,
Я вижу, не затерян я,
Что я для радости созрел.
Что в мире есть святой предел,
Что можем мы любить и знать,
Высоко мыслить и страдать,
Что я не грубо обольщен,
Когда со мною рядом он:
Живой, манящий душу свет —
Звучащий красками просвет!

ВСЕПРОЩЕНИЕ.

В стороне от царей и диктаторов
Он идет под крестом, меж крестов,
Мимо, бомбами вырытых, кратеров,
Где дымится невинная кровь.

И одежды Его обагренные
Ловят руки невинных детей.
И глядят Ему вслед воспаленные
Взгляды, брошенных в прах, матерей...

Он идет. На лицо Его бледное
Свет пожарный ложится, как тень.
Где же правда святая, победная?
Где твой вечно ликующий день?

— «Здесь Я, здесь в вашем вечном терпении,
«В ваших тайных молитвах Добру...
«Там, где в сердце лежит всепрощение,
«Я победу Мою берегу!»

ДУХ ДЫШЕТ.

*Не удивляйся тому, что
Я сказал тебе: должно вам
родиться свыше.*

От Иоанна. Гл. 3. Ст. 7.

Какой-то должен быть порядок:
И в мыслях и в уме закал.
Иначе мир и так уже гадок,
Как зла преступного оскал.

И вот, прошедши путь тернистый,
Ты видишь, как еще далек
Желанный и небесно чистый,
Манящий к совершенству Бог.

Соблазны диких настроений
И страсти вычурная дурь,
Вражда, назойливость сомнений
Туманной делают лазурь.

Безумный вызов Совершенству.
Зазнавшегося черта взгляд...
Нет, видно, на земле блаженству
Небесному притти навряд...

Жизнь страстно ищет наслаждений
И святости на-перекор
Рождает мир воображений
Порочных, обольщая взор.

Ласкает чувственность и нежит,
Зовет упиться и кружить.
О, святость царственная, где же
Мне, человеку, победить?!

И все же твоего призыва
Душа не может не любить.
Как воля святости красива —
Непобедимое убить!

Перешагнуть земли границы,
Отвоевать иной простор —
Родившись, еще раз родиться,
Рожденью первому в укор.

Подняться над земною пылью,
Войти в божественности храм.
Стать новым! Дать простор усилию
Молиться высшим небесам.

Как хорошо, что все земное
Земным не определено,
Что нам надзвездное святое
Ведущей силою дано.

И потому, в кругу сомненья —
Протеста буйного страстей —
Дух ищет перевоплощенья
И верит гордости своей.

ТИШИНА.

Упала ночь. Просторы потемнели.
Взошла луна и соловьиной трели
Послышались раскаты над ручьем.
Туман белеет под лучем
И холодом росяным дышет поле.
А небо звездное, как море,
Плеснувши голубой волной,
Взвилось высоко надо мной.

И черная земля и темный лес
И тусклая заря, как слепота небес —
Все полно тишины, безмолвия, но ждешь
В душе решения и думаешь, что ложь
Людская будет сметена,
Когда заговорит вот эта тишина.

И радуйтесь — есть слово человека!
Молчание великое от века
Нашло в себе возможности родить
Того, кто может петь и говорить.
На сладкий шум, на каждый проблеск света
Дает ответ душа поэта:
Луна ли блещет в сонме звезд,
Осеребрив ручей и мост,

Горит ли огонек в окошке запоздалый,
Синеют ли под ней обветренные скалы,
Закат ли чудится пророческим конем,
Иль тучи синие, как всадники на нем,
Иль ясен день, как лебедя крыло, —
Равно: цветет, или отцвело

Очарование весны —
Душа свои имеет сны,
Ответы звучные на вызовы природы...
И потому воспеты воды,

Закат, и горы, и луга,
И рек могучих берега,
Разливы, и леса, и шумы,
И сердца боль, и гнев, и думы,
И слезы, и молитвы лет —
Душа разгадками поет
На вечную загадку мира.
И чем звучней и громче лира

В душе твоей, мой друг и брат,
Тем дальше от тебя разлад,
Тем ты верней под суд берешь,
Враждой навеянную ложь.
Так голосом и словом став,
Ты, сам ума и воли сплав,
Глядишь в грядущее светло,
Как сквозь прозрачное стекло.

Итак, никто другой, лишь ты имеешь право
Судить о том, что вечно, что лукаво —
Природа говорит и думает тобой.
Ее великое молчание с тобой
Затем, чтобы голос твой звучал напевно —
То ласково, то радостно, то гневно,
Чтоб притворять ты мог ее закон
То в песню радости, то в одинокий стон.

ГРОЗНО МЕРЦАЮТ СОЗВЕЗДИЯ.

Грозно мерцают созвездия,
Близится наше возмездие —
Час предрещенных расплат.

Что-то с народами становится,
Много ли спальных останется,
Будет ли кончен разлад?

Злоба преступная тешится...
Жалости нечем утешиться —
Мрак над народами, страх.

В воздухе шумы железные,
Гибнут родные, любезные —
Ближний для ближнего враг.

Празднует ожесточение,
Празднуют ужас и тление —
Нет никого в стороне.

В каждом предчувствие гибели.
Многие храбрые выбыли,
Жертвами пав на войне.

Будут, конечно, решения...
Снова придет утешение,
Новые песни придут.

Будем упорно надеяться,
К лучшему жизнь переменится,
Злоба и гнев отживут.

Только лишь плиты могильные
Будут твердить нам, как сильные
Шли на таких же вперед.

Как умирали могучие,
Чтобы пришли эти лучшие
Дни примиренных забот.

Примем же, как неизбежное,
Наше и злое и нежное —
Все, что есть в слове солдат.

Грозно мерцают созвездия:
Близится наше возмездие —
Час предрещенных расплат.

B E Ч E P.

Иду. Дорога отсырела
И пыль легла.
Туман ползет вдоль леса белый.
В селе игра.

Звучит двухрядная гармошка.
Напев тягуч.
И месяц в каждое окошко
Наводит луч.

И так все просто и понятно
Без лишних слов.
Темнеют полем тени- пятна
От облаков.

Кричит, как надрывает глотку,
Во ржи дергач.
И кто то по заре в охотку
Несется вскачь.

КОГДА-ТО.

Я не напрасно был рожден в глуши
И одиночеством в толпе отмечен.
Я скоро увидал, что зори хороши,
Что голос их и благостен и вечен.

Греховную земную мимолетность
Я сопоставил с святостью огня.
И нашу человеческую скотность
Распял на нем и воскресил себя.

Да, я недаром вечерами жил
Упорным созерцанием заката:
Я свет мерцающий любил
И чувствовал свое «когда-то»
И с глубиною сердца говорил.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>		
Дорога зимой	5	Пророчество	37
Слово	6	Осень	38
Утро	7	После дождя	39
Зима и Христос	8	В горах	40
Лунный свет	9	Обоз	41
Золотые небеса	10	Осень	42
Хорошо на душе	11	Корабли	43
Вечное «Я»	12	Бог	44
Два звона	13	Поэзия	45
Ночь	14	Самородок	46
Первая весна	15	Жизнь	47
Русская ночь	16	Усадьба ночью	48
Война	17	Вечер	49
Завещание	18	Солнцу восходящему...	50
Человек	19	Фонарь	51
Горы	20	Лунная почь	52
Отчаяние	21	Сон Иакова	53
Звездам	22	Вдохновение	54
Будущее	23	В степи	55
Человек	24	Наш мир	56
Переживание	25	Богоотступник	57
Швейцария	26	Вода	58
Зима	27	Радость	59
У мельницы	28	Сожаление	60
Юность и старость ...	29	Летом	61
При луне	30	Над бездной	62
Тьма	31	Примиренность	63
Человек	32	Небо закатное	64
Тайна	33	Бездна	65
Вечер	34	Поэзия	66
В поезде	35	Не напрасно	67
Мечте	36	Творчество	68

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>		
Молитва язычника ...	69	Парад дьяволу	97
Поэт	70	Зимний вечер	98
Вечерняя молитва	71	«Да» или «нет»	99
Сердце	72	Младенчество	100
Осень	73	Смерть	101
Безбожникам	74	Осенние шумы	102
В лесу	75	Жизнь	103
Будто нельзя	76	Храм	104
Жене	77	Жизнь	105
Вперед	78	Свет и тьма	106
Вселенная	79	Могилка	107
Закат	80	Труп	108
В пути	81	Грусть	109
Наше время	82	Песня двадцатому страшному веку ...	110
Весна	83	Без пути	111
Под гитару	84	Летом	112
Колокольчики	85	Наследство	113
Вечером	86	Елочка	114
На смерть отца	87	В пути	115
Нежность вечная	88	Просвет	116
В саду	89	Всепрощение	117
Весна	90	Дух дышет	118
Переживание	91	Тишина	120
Языческое	92	Грозно мерцают созвездия	122
Вселенная	93	Вечер	124
Дорога к свету	94	Когда-то	125
Душа	95		
На смерть матери	96		

